

Б.С.Орлов

МЕЖДУ ДВУМА ТОТАЛИТАРИЗМАМИ

(по поводу книг В.Леонхарда
«Революция отпускает своих детей»,
«Сорок лет спустя. В поисках следов минувшего»)

Wolfgang Leonhard. Die Revolution entlasst ihre Kinder. Köln, 1955, 1981, 1987, 1990 (1); Wolfgang Leonhard. Spurensuche. 40 Jahre nach die Revolution entlasst ihre Kinder. Köln, 1992. 1994 (2)*.

* Под номерами 1, 2 в тексте рецензии приводятся ссылки на книги В.Леонхарда с указанием страниц из этих работ. — Прич. авт.

На пороге нового столетия и тысячелетия европейцы, оглядываясь назад и задаваясь вопросом, чем был для них век минувший, называют одной из отличительных его особенностей существование тоталитарных режимов в их разной ипостаси. На эту тему написаны горы книг и статей, в которых достаточно глубоко показана сущность тоталитаризма. Казалось бы, «дело о тоталитаризме» достаточно изучено и его можно сдавать в архив истории, тем более, что и сами тоталитарные или протототалитарные режимы (одни раньше, другие позже) в Европе перестали существовать, и народы, после второй мировой войны пережившие эти режимы в их коммунистической разновидности, осваивают суть бытия в условиях представительной демократии и рыночной экономики.

Но действительность оказалась более сложной, чем это представлялось политологам. В процессе переходного периода определенная часть населения дала понять (прежде всего на выборах), что она вовсе не считает коммунистические режимы преступными. Более того, эти люди поддерживают политические партии, которые были правящими, и, слегка обновившись, продолжают активно действовать и сегодня, получая на выборах значительно больше голосов, чем недавно образованные партии демократической ориентации. Это прежде всего относится к КПРФ.

Одна из причин таких настроений лежит как бы на поверхности. В отличие от национал-социалистической партии в Германии и фашистской партии в Италии, запрещенных в ходе второй мировой войны или сразу же после нее, — их деятельность была на Нюрнбергском процессе расценена как преступление против человечества — коммунистические партии в СССР и других европейских странах «соцлагеря» ушли от такой ответственности и, следовательно, не воспринимаются населением (во всяком случае значительной его частью) как преступные.

Но дело не только в отсутствии запрета. Существовали и другие причины, которые выпадали из поля зрения исследователей тоталитаризма, что объясняется не просто недостаточным знанием изучаемо-

го предмета, но также его сложностью, многоликостью, противоречивостью, другими особенностями, не всегда поддающимися политологическому анализу. На эту сложность обратила внимание, не ведая того, одна из заключенных в «Архипелаге ГУЛАГ» А.И.Солженицина: кто вместе с нами из одной чашки не хлебал, тот ентово никогда не поймет. Непереводимое на другие языки слово «ентово» означает всю совокупность особенностей тоталитарного режима, которые не поддаются сугубо рациональному объяснению. Это касается того, что происходило в тюрьмах, а также за их стенами, что и дает основание говорить о стране с тоталитарным режимом как о единой «зоне», лишь условно разделяемой колючей проволокой концлагерей. Однако в этой «зоне» люди жили, трудились, влюблялись, рожали детей и даже верили в счастливое будущее, в справедливость слов известной песни: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек».

После такого затянувшегося вступления переходим к книгам Вольфганга Леонхарда, который достаточно основательно «хлебнул» из «чаши» большевистского тоталитаризма, пробыв в СССР с середины 30-х годов и до конца войны, потом принимал участие в становлении тоталитарного режима в Восточной Германии, а в конце 40-х годов имел возможность познакомиться с политическим режимом Югославии в его звездный час «рабочих советов». Затем Леонхард переселился в Западную Германию, где избрал профессию аналитика, знакомого с происходившим в то время за «железным занавесом», как говорится, из первых рук.

Такой необычный жизненный путь делает его одним из наиболее осведомленных свидетелей событий XX в. в Европе. Судите сами. Тринадцатилетним мальчиком он вместе с матерью тайком покидает национал-социалистическую Германию и ищет прибежище в Советском Союзе. Мать, одну из тех, кто входил в группу «Спартак» еще до образования КПГ в 1918 г., арестовывают как и многих других антифашистов. Юношу пристраивают в интернат для детей австрийских эмигрантов. По окончании школы ему удается поступить в Московский институт иностранных языков. Начинается война, и его как немца вместе с другими в товарном вагоне увозят в глубь страны, в Казахстан, и выбрасывают прямо в степи неподалеку от деревушки, где в землянках ютятся раскулаченные крестьяне. Тут-то ему и пришлось испытать всю меру лишений.

Но в Караганде он встречается знакомого антифашиста, и тот помогает ему устроиться в школу Коминтерна, расположенную неподалеку от Уфы. Близится окончание войны, и Вольфганг в первой группе антифашистов, состоявшей из 9 человек, во главе с Вальтером Ульбрихтом 30 апреля 1945 г. летит в побежденную Германию и приступает к налаживанию новой, демократической жизни. Вскоре он убеждается, что послушные Москве деятели во главе с Ульбрихтом выстраивают

свою разновидность тоталитарного режима с псевдодемократическим фасадом. Мечта об особом пути немцев к социализму все больше становится иллюзией. В этом Вольфганг окончательно убеждается, работая преподавателем в партийной школе. Весной 1949 г. он тайно бежит в Югославию, которая ему казалась страной, где возможно создание «социализма с человеческим лицом». Но и на этот раз его ждет разочарование. Леонхард поселяется в Западной Германии. Здесь из-под его пера одна за одной выходят книги, в которых раскрывается подоплека жизни в восточноевропейских странах: «Кремль без Сталина» (1959), «Советский Союз сегодня» (1962), «Хрущев: взлет и падение» (1965), «На пороге новой революции» (1975), «Еврокоммунизм» (1978), «Сумерки в Кремле» (1984), «Короткая жизнь ГДР» (1990). Но главная его книга – это «Революция отпускает своих детей», многократно переизданная, и ее продолжение «40 лет спустя», в которой Леонхард делится своими впечатлениями от посещения СССР и ГДР, уже сбросивших с себя бремя тоталитаризма.

Одно перечисление названий этих книг показывает, что Леонхард внимательно следил за развитием событий в коммунистических странах и хорошо разбирался в том, что скрывалось за официальной пропагандой.

Хотелось бы особо выделить манеру изложения. Можно по-хорошему позавидовать его памяти, и представляется, что для тех, кто уже в XXI в. пожелает разобраться в том, как люди жили в обстановке тоталитарного режима коммунистического образца, его работы будут настольным пособием, где факт, документ и анализ органично дополняют друг друга. Впечатляет тональность повествования. Даже в тех случаях, когда Леонхарду приходилось особенно туго, например, в Казахстане, где тупость, а порой и жестокость местного партийного начальства не были редким исключением, он описывает события спокойно, без раздражительности, хотя и имеет на то основания. Леонхард никогда не забывает, что, выполняя по принуждению роль «винтиков», люди остаются людьми со своей неповторимой судьбой.

На своем личном примере Леонхард показывает, как не просто было выработать критическое отношение к сталинизму. Казалось бы, жизнь на каждом шагу указывала ему на отрицательные стороны политического режима в Советском Союзе – арест без всяких оснований матери, убежденной коммунистки, показательные процессы 1937-го года, где сидящие в зале «представители трудящихся» вели себя так, будто находились в состоянии «коллективной шизофрении», тяжелая, а то и просто скотская жизнь людей в Казахстане. Но всегда находились какие-то аргументы, которые как бы оправдывали тот или иной шаг сталинского руководства. Уже позже, в Восточной Германии, Леонхард наблюдает за действиями группы Ульбрихта и даже сам участвует в них, т.е. видит всю подоплеку этой политики, ведущей к уста-

ТОТАЛИТАРИЗМ КАК ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФЕНОМЕН

новлению тоталитарного режима в его особом восточногерманском варианте. И все-таки решение покинуть страну, порвать с партией, указания которой он столько лет выполнял и пропагандировал, дается ему с трудом.

В таком положении, однако, находились многие коммунисты и в Советском Союзе, сохраняя приверженность идеалам, почерпнутым из коммунистического учения и отграничивая свои взгляды от сталинистской практики в надежде, что со временем с этой практикой будет покончено, тем более, что события, подобные XX съезду, давали основания верить в это. О том же писал уже позже, в 1962 г., сам Леонхард, указывая на «глубокое противоречие между первоначальными представлениями Маркса и Энгельса и последовавшими затем искажениями» (1, с. 682). Чтобы данное противоречие преодолеть, коммунисты реформистской ориентации шли от марксизма-ленинизма в трактовке Сталина к Ленину, а затем стали проводить различие между «ранним» (революционным) Лениным и Лениным периода НЭПа, о чем говорил, к примеру, М.С.Горбачев по случаю 80-летия Октябрьской революции в 1997 г.¹ Некоторые идут еще дальше – от Ленина к Марксу, а уж затем от «позднего» Маркса к «раннему», или, наоборот, к «позднему» Энгельсу. Вообще же отказаться от марксистской идеологической схемы многим не хватало решимости. Но это означает, что идеология, реализация которой привела к тоталитарному режиму в СССР, а затем в других странах, полностью не дискредитировала себя, и по-прежнему обнаруживаются ее приверженцы, пытающиеся приспособить ее к новым условиям с опорой на суждения классиков марксизма, трактуемые по-разному.

В этом заключается одно из принципиальных отличий идеологий, питавших национал-социалистический и большевистский варианты тоталитаризма. Первая окончательно дискредитировала себя, другая продолжает подвергаться переосмыслению, при этом наблюдается тенденция каким-то образом соединить ее с социал-демократическими установками.

Свою роль сыграло то обстоятельство, что сторонников коммунистической идеологии привлекала ее ориентация на социальность, образование, «всестороннее развитие личности». Об этом пишет и Леонхард, вспоминая время, когда он из интерната для детей австрийских эмигрантов попал в обычную московскую школу: «Я и сегодня убежден в том, что в советских школах обучают вероятно большему, чем в большинстве школ Западной Европы и Америки, хотя многое при этом, конечно, преподносится односторонне. Мы, к примеру, не учили ни латыни, ни греческого – был всего один иностранный язык, но в других предметах, особенно в естественных дисциплинах, требования были очень высокими» (1, с. 46).

После школы Леонхард поступает в Московский институт иностранных языков, по тем временам один из самых престижных. И

¹ Михаил Горбачев в идеалах Октябрьской революции не разочаровался // Независимая газета. 6.11.1997.

здесь он видит примерно такую же картину: «Я был удивлен чрезвычайно высокой оснащенности института. Наряду с большими помещениями для лекций и отличной библиотекой, существовали еще “кабинеты” для отдельных предметов, изучаемых в институте: психология, педагогика, фонетика, история, история литературы» (1, с. 108). Леонхард находит важным, что по окончании института выпускник был обязан 2–3 года работать по своей специальности. Как правило, выпускнику сразу же после госэкзаменов предоставляли рабочее место.

Тем самым Леонхард затрагивает одну из «загадок» советского тоталитарного режима – он был жестким и жестоким – и не только к своим противникам. Одновременно он, согласно марксистским установкам, был сориентирован на образованность общества. Но тем самым, отметим мы, он сам себе рыл могилу, ибо чем больше в обществе становилось образованных и относительно самостоятельно мыслящих людей, тем труднее было манипулировать их сознанием и поведением.

Эта проблема со всей остротой возникла уже после смерти Сталина, в 60-е годы, когда советская пропаганда гордилась тем, что в стране выпускается в год инженеров в три раза больше, чем в США. В конце 30-х годов все было несколько по-другому. Леонхард попадает в Советский Союз, когда во всю раскручивалась антифашистская пропаганда. Гитлер и его сообщники в многочисленных карикатурах представляли как криминальные элементы и недоумки. Народ на это реагировал соответственно. Но вот в 1939 г. начались переговоры, и как по команде антифашистская критика напрочь исчезла. Официальная пропаганда заговорила о дружбе СССР и Германии. Пакт о ненападении преподносился как проявление внешнеполитической мудрости Сталина. И эту версию, во всяком случае внешне, восприняло население страны.

Леонхард пытается понять, почему так покорно ведут себя люди? Почему они терпят аресты, в том числе и тех, кого недавно превозносили как героев, чьи портреты печатали в учебниках? Почему они соглашались с любым поворотом в пропаганде? Вот одно из его объяснений: «Аресты продолжались непрерывно. Люди становились все более равнодушными. Они готовы были встретить свою судьбу как неизбежную природную катастрофу» (1, с. 55). Что касается сверстников Вольфганга, с которыми он учился в школе для детей эмигрантов, то они «пытались в то время постоянно внушать себе, что речь идет о перегибах в деле, по своей сути необходимом и правильном» (1, с. 56). А между тем, отмечает Леонхард, за несколько месяцев 37-го года «функционеров аппарата Коминтерна было арестовано больше, чем всеми буржуазными правительствами вместе взятыми за 20 лет до этого события» (1, с. 69).

На пороге между 1938-м и 1939-м годом кровавая чистка прекратилась как по команде. И снова наблюдения Леонхарда: «Сегодня

мне кажется удивительным, как быстро люди в Москве – в том числе и я сам – были в состоянии все страшное выбросить из памяти. Но ведь за те страшные месяцы мы пережили слишком много. Чувства просто-напросто очерствели» (1, с. 70).

Так вели себя люди, непосредственно затронутые событиями. Но что сказать о тех, кто родился позже, и эти события либо слабо себе представляют, либо практически ничего о них не знают? В России ни один из бывших концлагерей не оставлен в качестве музея в назидание потомкам. Не было проведено ни одного открытого процесса над палачами, совершавшими зверства в концлагерях. Более того, в последнее время по радио постоянно передают песни тех страшных лет. И тот, кто слушает их сегодня, может прийти к выводу, что раз тогда сочиняли такие мелодичные, задушевные песни, то это время было не таким уж плохим. Но все это означает, что нынешнее российское общество, не сделав выводов из своего прошлого, развивается на искаженной нравственной основе.

Свидетельства и размышления Леонхарда представляют особый интерес в той части, где он рассказывает о своем непосредственном участии в становлении тоталитарного режима в Восточной Германии. Знакомясь с этим периодом его жизни, мы еще раз убеждаемся, сколь различна была тактика формирования разных вариантов тоталитарного режима при опоре на казалось бы одну и ту же коммунистическую идеологию. Если в СССР коммунисты создали, так сказать, классическую модель однопартийного режима с его «приводными ремнями», то в Восточной Германии был взят курс на многопартийность. Точнее, на псевдомногопартийность. При этом были распущены общественные организации, стихийно возникавшие в первые дни после освобождения. «Таким образом, – констатирует Леонхард, – с начала мая до середины июня (1945 г.) все инициативы были задушены в зародыше» (1, с. 478). И вместе с тем в срочном порядке создавались политические партии, чтобы была формальная возможность заявить о становлении режима «народной демократии». Суть этого режима предельно точно определил Ульбрихт в разговоре с Леонхардом: «Это же совершенно ясно: пусть будет все демократично, но нити управления мы должны держать в своих руках» (1, с. 440).

Труднее пришлось с объединением коммунистов и социал-демократов. Леонхард рассказывает, что желание объединиться высказывали рядовые члены той и другой партии, памятуя об уроках прихода к власти партии Гитлера. Но вскоре среди социал-демократов нашлись достаточно проникательные люди, которые поняли, что может последовать за таким объединением. Социал-демократы в западных зонах оккупации сохранили свою самостоятельность и влияние в обществе. Это выявилось на первых выборах в Берлине 20 октября 1946 г. Леонхард описывает панику, которая царил в редакции газеты «Нойес дойчланд» в ночь после выборов, когда стало известно, что

ГОТТАЛТАРИЗМ КАК ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФЕНОМЕН

социал-демократы собрали почти половину голосов (48,7%), ХДС – пятую часть (22,1%), а объединенная СЕПГ оказалась на третьем месте (19,8%). Трудной была судьба тех социал-демократов, которые вошли в объединенную СЕПГ. За несколько лет половину активистов лишили их должностей в организациях партии, оклеветали, подвергли чисткам.

Показателен рассказ Леонхарда о том, как проходило такого рода «объединение» на советский манер. В одном из округов Мекленбурга командующий советскими войсками на этой территории решил помирить председателей окружных партийных организаций КПГ и СДПГ. Он пригласил их в комендатуру и сразу же провел в зал приемов. Стол ломился от угощений. «Пожалуйста, закусывайте», – сказал комендант. Те принялись за еду. «Пожалуйста, пейте». Оба партийных деятеля пригубили рюмки. Произошла какая-то заминка. Тогда комендант налил каждому по большому стакану водки и настоятельно предложил выпить до дна. «А теперь пожмите друг другу руки». Те выполнили приказ. «Ну вот и хорошо, – вздохнул довольный комендант, – теперь я могу спокойно доложить, что в нашем округе объединение состоялось» (1, с. 536).

Даже из этого эпизода, теперь кажущегося анекдотичным, видно, что была некая установка из Москвы, которую каждый пытался выполнить по своему разумению и опыту, – будь то советские военные или партработники из группы Ульбрихта.

Но из Москвы шли и другие распоряжения. В частности, установка на «особый немецкий путь к социализму» как нечто среднее между «буржуазной демократией» и «советским режимом». Ее активно поддерживал один из ведущих идеологов восточногерманских коммунистов Антон Аккерманн. Более того, в январе 1946 г. в «Нойес дойчланд» появилась его статья с соответствующим названием. А перед этим Леонхард перевел с русского на немецкий язык статью примерно такого же содержания, присланную из Москвы и переданную советским офицером связи. Но затем тезис об «особом пути» был изъят из партийной пропаганды СЕПГ, а Аккерманн лишен своего прежнего поста.

Леонхард высоко оценивает Аккерманна, в свое время он считал его самым умным в руководстве СЕПГ, единственным человеком, которого можно было рассматривать как настоящего теоретика партии. Но когда Леонхард пришел к нему со своими сомнениями, то услышал следующее: представь, ты плывешь на корабле, и знаешь, что капитан провел тебя самыми сложными маршрутами. И вот он делает резкий поворот, который тебе кажется полностью немотивированным и даже ошибочным. Ты должен к этому капитану сохранять доверие, поскольку он наверняка знает, почему так поступил, ибо у него более широкий обзор. Ты должен ему не мешать, а наоборот поддерживать его, даже если тебе такой поворот не ясен.

Леонхард делает из этого разговора вывод об особенностях сталинистской идеологии, которой присуща двойственность. Казалось бы, она претендует на то, чтобы поступать четко и логично в соответствии с диалектическим методом. А на деле этот метод используется как повод для оправдания своих действий. И когда «повороты» в политике невозможно объяснить логично, тогда возникает иррациональный момент слепой веры в «капитана, не делающего ошибок» (1, с. 627). И мы знаем, кто был таким главным «капитаном» в период «расцвета» тоталитаризма в СССР.

Отказ от особого немецкого пути к социализму был одной из главных причин, по которой Леонхард покинул Восточную Германию перед самым провозглашением ГДР и поселился в стране с «югославской спецификой социализма». Но и здесь его ждало разочарование. Бюрократия задушила систему рабочих советов, на которые приверженцы социалистической идеи возлагали большие надежды.

Остался ли сам Леонхард приверженцем этой идеи после того, что пережил в период взлета сталинизма в СССР и «аппаратного социализма» Ульбрихта? Примечательно, что в своих книгах «Революция отпускает своих детей» и «40 лет спустя», где Леонхард делится впечатлениями от перемен, происшедших в СССР и ГДР, он предпочитает не говорить о тоталитарных режимах коммунистического образца. Нет в них и столь распространенного с легкой руки Джиласа термина «номенклатура». Причину отрицательных явлений, сопутствующих реализации идей социализма, Леонхард, как уже отмечалось, видит «прежде всего в глубоком противоречии между первоначальными представлениями Маркса и Энгельса и последовавшими позднее искажениями» (1, с. 682). Точно так же Леонхард причины нарастающей напряженности в странах Восточного блока усматривает в «глубоком конфликте... между общественными силами возникающего индустриального общества и устаревшей сохранившейся бюрократическо-диктаторской системой» (1, с. 683).

То, что это противоречие выльется в конфликт с последующей демократизацией, Леонхард предвидел еще в 1975 г., т.е. за десять лет до начала перестройки, когда отвечал на вопросы западногерманского журнала «Любекер нахрихтен». Более того, Леонхард даже набросал целую программу политического и экономического развития СССР по годам до 2000 г. Он предвидел раскол в кремлевском руководстве в 1988 г. В 1990 г., как он полагал, должны начаться реформы, предусматривающие полную экономическую самостоятельность колхозов и совхозов, расширение частной деятельности крестьянских хозяйств. Потом последует очередь реформ в промышленности с переориентацией от военной промышленности на производство предметов потребления. В середине 1990 г., согласно Леонхарду, в КПСС происходит раскол между сторонниками и противниками реформ, возникают самостоятельные профсоюзы. Отменяются цензура и

ГОТЛАМПАРИЗМ КАК ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФЕНОМЕН

«люди с жадностью читают книги Сахарова, Солженицина, Буковского и Амальрика» (2, с. 15). В конце 90-х годов лишается своего влияния КГБ. Людей выпускают из лагерей и психушек, отменяется смертная казнь. Подобные процессы происходят и в странах Восточной Европы. С 1998 г. Советский Союз будет называться «Федерацией демократических государств», и люди получат возможность свободного выезда из страны.

Отметим еще раз, что свой прогноз Леонхард составлял в 1975 г. во времена, когда СССР казался несокрушимой державой, и никому в голову не приходило представить себе возможный сценарий распада этой махины, обладающей мощной армией и грозным термоядерным оружием. Эта тема затрагивалась только в работе диссидента А.Амальрика «Доживет ли СССР до 1984 г.» и книге французской исследовательницы Э.Карер д'Анкос «Распад империи».

Но Леонхард идет в своих прогнозах дальше. В 1984 г., т.е. за год до начала перестройки, он публикует книгу «Сумерки в Кремле». В ней он называет социальные и общественные силы, которые приступят к необходимым изменениям. Это научно-техническая интеллигенция, наделенный высоким самосознанием рабочий класс, юное поколение, стремящееся к новым ценностям и целям, активные религиозные деятели, представители национальных движений, творческая интеллигенция, «не русские народы», стремящиеся к большей автономии, активные борцы за права человека и демократизацию. В экономике, полагал Леонхард, будет реализован обновленный вариант «новой экономической политики» Ленина, легализована деятельность частных предпринимателей в сельском хозяйстве и промышленности, возродится демократическая обстановка в КПСС, и, следовательно, возникнет возможность перехода к многопартийной системе.

В 1987 г. Леонхард наконец получил возможность посетить Москву, увидеть страну в разгар перестройки и убедиться в том, в какой степени его прогнозы подтвердились. Он посетит СССР еще несколько раз и будет вдохновлен переменами, многие из которых он предугадал. Но появляются сомнения и разочарования. В 1992 г. в предисловии к книге «40 лет спустя» Леонхард напишет: «Промедления, связанные с проведением экономических реформ, и последовавшие за этим значительные социальные и экономические трудности я не предусмотрел в своем прогнозе» (2, с. 17). Эту же тему Леонхард затронет в конце книги. Он выделит такие моменты: представления о демократических партиях и движениях не укоренены в сознании населения, наблюдаются тенденции к росту национализма. «Необходим, — полагает Леонхард, — переход от бюрократической и централистской плановой системы к социальной рыночной экономике... При тех страданиях и лишениях, которые испытывает население, существует опасность, что оно погрузится в состояние безнадежности или последует за дема-

гонами, которые могут оказаться в состоянии разрушить начатое было великое дело реформ» (2, с. 340).

В начале 1999 г., когда прошло уже 14 лет с начала перестройки, представляется возможностью осмыслить прогнозы и выводы Леонхарда с учетом накопленного опыта. Как уже отмечалось, поразительно многое было угадано. Вместе с тем в этих прогнозах преувеличивался демократический потенциал обновления общества, существовавшего при тоталитарном режиме более 70 лет. Инициативу в проведении экономических реформ перехватила в основном близко стоявшая к рычагам экономики партийная номенклатура и свела ее к примитивной «приватизации» со всем набором явлений, присущих периоду «дикого капитализма». Реформистски ориентированная часть партийной номенклатуры во главе с М.С.Горбачевым оказалась не в состоянии повернуть реформы в другом направлении, возглавить реформаторское течение в партии в случае неизбежного раскола КПСС. Преувеличенными оказались тенденции к проявлению более высокой самостоятельности работающих. При этом обнаружилось, что наиболее квалифицированная часть инженеров и рабочих занята в военно-промышленном комплексе, логикой вещей предназначенном к резкому свертыванию производства, чреватым ухудшением их социального положения. Со множеством неясных для себя проблем столкнулись правозащитники, сторонники последовательной демократизации. Они оказались в меньшинстве, не имея четкого представления о том, на каких принципах следует переводить на гражданские рельсы огромную милитаризованную экономику. Поддержанные ими политики типа Е.Гайдара взяли курс на «шоковую терапию», не учитывая ментальности населения, приученного десятилетиями жить в условиях системы социальной защищенности, пусть плохо функционировавшей, но обеспечивавшей элементарный минимум. В глазах этой части населения демократия дискредитировала себя, а вместе с тем утратили свое значение демократические ценности, отстаиваемые теми или иными традиционными политическими партиями. Предпочтение отдается политикам, способным оперативно решать проблемы повседневного бытия, даже если за их спиной стоят криминальные силы.

Озабоченность Леонхарда, что, находясь в таком положении, население может пойти за демагогами, имеет под собой основания. И вопрос о «экономическом чуде» так же актуален для России, как и для Западной Германии в первые послевоенные годы, однако с учетом одного принципиального различия. Немцы восстанавливали рыночную экономику, россияне ее только создают, причем при активном участии бывшей партноменклатуры и новых «деловых людей» с сомнительным, а то и преступным прошлым.

При учете всех этих отрицательных явлений будем исходить из того, что Россия имеет стартовые позиции для функционирования рыночной экономики, создан каркас партийно-правовой системы. Делая

ошибки и совершая промахи, Россия учится на ходу. В этом процессе как всегда могут играть свою роль как субъективные, так и объективные факторы. История открыта, однако возврат к тоталитарному режиму вряд ли возможен, точно так же, как и переход к «демократическому социализму», каким он рисовался в трудах теоретиков – от К.Маркса до Э.Бернштейна и В.Айхлера. Ряд политологов полагает, что разразившийся осенью 1998 г. кризис отбрасывает страну на исходные позиции и таит в себе потенциальную опасность возникновения авторитарного режима. Не исключая такого варианта развития, будем надеяться, что Россия сможет избежать этой угрозы.

* * *

Я имел возможность познакомиться с Вольфгангом Леонхардом в декабре 1997 г. в Хемнице. В местном университете он читал лекции о происходящем в России. Разговаривали мы в неформальной домашней обстановке в гостях у профессора Э.Ессе – одного из серьезных специалистов по тоталитаризму в Германии и Европе. Энергичность в разговоре, живость в глазах, простота и вместе с тем артистичность – вот что мне запомнилось, когда я слушал Леонхарда (а надо сказать, что он большой мастер не только писать, но и рассказывать). Будучи всего на четыре года моложе Октябрьской революции в России и на три – Ноябрьской революции в Германии, он был и остается, можно сказать, уникальным свидетелем исторических событий в Советском Союзе, Восточной Германии, Югославии, Западной Германии, а затем Германии объединенной. У него было много оснований, чтобы разочароваться в жизни, – и когда он мальчиком, узнав, что мать попала в застенки КГБ, остался практически один в незнакомом городе в те страшные 30-е годы, и когда ехал в товарном вагоне, в которых перевозят скот, в неизвестный Казахстан и был выброшен на одном из полустанков (живи как хочешь!), и когда, приехав со светлыми надеждами в освобожденную от гитлеризма Германию, увидел, что Ульбрихт по приказу из Москвы начинает выстраивать еще одну разновидность тоталитарного режима, и когда понял, что и в Югославии бюрократия подминает под себя ростки социализма самоуправления. Об этом мы узнали из его книг. А сколько не узнали! Но Леонхард не производит впечатление человека, надежды которого раздавили гусеницы тоталитарных режимов. Он представляется мне одним из тех неисправимых социальных романтиков, которые не дают человечеству погрузиться в прагматизм денежного кошелька. Этим он и интересен как сын XX века.